

Сон Анны Ивановны с четверга на пятницу обещал череду волнений. Увидела она в сновидении себя, отраженную в зеркале. Ясно так увидела — и обомлела: была она одета в свадебное платье со строгими рукавами, переходящими в изящные облегающие перчатки; пальцы тонкие — тоньше, чем есть, а на безымянном — старое тусклое обручальное кольцо; кожа напудренная, брови выписаны стрелами, губы подведены киноварной помадой. Но лоб пересекают, от носа и губ спускаются, от кончиков глаз лучиками расходятся знакомые много лет морщинки, — таким же, как в жизни, семидесятилетним было ее лицо. По плечам от серебряной волнами прически ниспадала фата, окутывала плечи, путалась под ногами.

Проснувшись она тогда, октябрьским утром, с невнятным чувством Бог весть чего.

Не нужно было листать сонник, Анна Ивановна умела разгадывать сны. «Куда ночь — туда и сон!» — повелела она холодной заре. Но все же в каждой случайности теперь виделись знаки и обретались предчувствия.

В воскресенье Анна Ивановна должна была праздновать свой день рождения. Но пятнадцать лет эта дата не отмечалась. Близким, друзьям и коллегам было запрещено поздравлять Анну Ивановну, дарить ей что-либо, а в особенности цветы. Потому что именно в этот день отдала Богу душу ее матушка. И светлый праздник рождения остался для нее призраком далеко убежавшего детства.

Муж, Сергей Наумович, в последнюю неделю приболел, и она не позволила ему ехать вместе с ней на кладбище в воскресенье.

— Будь осторожна, Аннушка! — тронул он ее локоть.

— Не волнуйся и не забудь принять лекарство! — ответила она и пригладила его седой вихор.

— Ты тепло одета? Там приморозило, сообщили.

— Не переживай.

Она накинула сумку на плечо, а он подал ей пакет, где греме-

ли маленькие садовые инструменты.

– Не тяжело?

– Да Бог с тобой, Сергей Наумыч! – рассмеялась жена. – Все, я пошла.

О сне своем она ему не рассказала.

* * *

Осенью кладбище находит свое созвучие – тусклый полуденный свет доносится до тихих памятников из осеннего неба, трогают осторожно отгоревшие листья их громоздкие плечи, открывая в нем не виданную прежде поэзию. Сонно и спокойно бродить по его степенным закоулкам.

Эту поэзию Анна Ивановна открыла тогда, когда стали уходить ее самые близкие люди. До того кладбище пугало ее, а необходимость бывать там делалась сущим мучением. Теперь здесь она могла находить успокоение своему сердцу. «Отче наш, иже еси на небеси, упокой души наших умерших близких...»

По широкой аллее нужно было пройти к дальнему сектору, где узенькие тропинки расползались между надгробиями. Там в тени рябинового куста обитал памятник, под которым скрывался прах родных Анны Ивановны: матери, отца, брата.

Издали замечала рябиновый куст Анна Ивановна. Он пробился из могилы сам. Однажды весной потянулась-потянулась веточка из земли – и не стали ее выдергивать, – тогда еще непонятно было, что за деревце вырастет. Выросла рябина, только так и осталась худенькой, неокрепшей, точно не хватало ей земельных соков, – кустом осталась качаться над могилкой.

Подошла Анна Ивановна неспешно, положила сумку и цветы, купленные по дороге, на скамеечку рядом, зашелестела пакетом, доставая инвентарь, тряпицы. Решила почистить сначала надгробие – мутью на черном мраморе любит селиться городская пыль. Но не успела протереть его еще и до середины, как отстранилась и остолбенела. Тряпка выпала из ее руки.

На памятнике под знакомым: «Здесь покоится прах усопших:

рабы Алевтины Александровны, раба Ивана Федоровича, раба Федора Ивановича» – ниже, на прежде пустом месте, оставленным для нее самой, было выгравировано: «Сергея».

«Сергея? Как же так – Сергея? Какого Сергея?» – билось в висках Анны Ивановны. Она сняла очки и протерла подолом кардигана, вернула их на нос, но сквозь линзы читалось все то же: «Алевтины Александровны, Ивана Федоровича, Федора Ивановича, Сергея»...

«Какого Сергея?» – прозвучало вопрошение к близ обитающим памятникам. «Какого Сергея?» – теперь уже в голос кричала Анна Ивановна. Трясущимися руками она ворошила свою сумку, там, в подкладке, вечно терялся и прятался телефон. Нашла – гудки, гудки.

– Сергей Наумыч! Сереженька! – повторяла она.

– Аня, что случилось? – встревожился голос мужа.

– Ты живой? Живой? – плакала Анна Ивановна.

– Живой, разумеется! Лекарство принял, как ты велела. Аннушка, что случилось?

Через три четверти часа, прихрамывая, вытирая крупные капли со лба, в расстегнутом плаще, Сергей Наумович бежал вдоль аллеи настороженного кладбища. Еще немного, потом свернуть по тропинке и покажется среди столбцов тоненький рябиновый куст.

Анна Ивановна сидела на скамейке, понурая, неотрывно глядела отекавшими от слез глазами на черное надгробье. Невдалеке скреб метлой отрешенный, безразличный ко всему кладбищенский дворник-азиат. Где-то далеко за деревьями терялись звуки и голоса.

Увидев мужа, Анна Ивановна вновь тихо заплакала.

– Опять ты плащ не застегнул...

– Где? – выдохнул запыхавшийся старик, будто и не услышав упрека.

Супруга кивнула в сторону памятника.

Сергей Наумович долго топтался у надгробья, пристально

рассматривал появившуюся надпись, отходил в сторону и возвращался, глядя в могильную землю и даже ощупывал руками холм.

— Уважаемый! — произнес, наконец, Сергей Наумович, обращаясь к дворнику, по-прежнему монотонно скребущему дорожку поодаль от них. Дворник не обратил внимания, продолжая свой нехитрый ритуал.

— Уважаемый! — окликнул громче старик. — Мужчина! — тот оглянулся, отставил метлу. — Не сочтите за бестактность, вы давно здесь работаете?

— Два года, — буркнул тот в ответ.

— А вы случайно не замечали, чтобы здесь кого-то хоронили недавно? В ближайшие месяцы?

Дворник меланхолично повел плечами.

— Не знает, — вздохнул Сергей Наумович и опустился на скамейку рядом с женой.

В выбеленном здании кладбищенской администрации тепло и душно. Тучная женщина средних лет в бордовой блузе с глубоким декольте и ярко-красными губами, говорила спокойно и властно. Солнце через широкие окна трогало ее лицо.

— Миленькие мои, ну всякое бывает, вы же понимаете, столько лет прожили! Ведь все можно уладить, тут ничего страшного нет. Все возможно исправить, кроме непоправимого!

— Знаете ли, Людмила Иосифовна, есть и другое. У каждого своя работа и долг, а значит, и ответственность! Не можешь — не берись, нас так учили. А берись за то, что можешь! — резко отвечала кладбищенской хозяйке Анна Ивановна.

— Тем более, когда речь идет о смерти, — вставил до поры безмолвный, хмурый и ссутуленный Сергей Наумович.

— Ну что вы так нервничаете? Не нервничайте! Спокойно! Пришли, раскричались, теперь вот наставления высказываете. Я вас уверяю, что все образуется. Документы мы с вами подняли? Подняли. Никто к вам лишний не подхоронен? Не подхоронен.

Сергей Наумович иронически хмыкнул, когда администра-

торша произносила свое «к вам»; она томно оглядела посетитель и продолжила:

— Я прошу прощения, если неправильно выразилась. Так вот, никто не подхоронен в могилу к вашим близким. По документам. А с надписями — такое бывает. Не часто, но бывает. Не вы первые, так сказать, не вы первые...

Говорила она плавно, нараспев, баюкая, и в то же время рассудительно.

— Наши рабочие — ребята хорошие и ответственные, но сами посудите, каждый может ошибиться, и они иногда ошибаются.

— Алкоголики ваши могильщики! — выругалась Анна Ивановна.

— Ну, и это бывает, — вздохнула Людмила Иосифовна, — а как без этого? Жизнь сейчас трудная. И работа, прямо вам скажу, тяжелая у них. Бывает, и выпьют. Потом, — подняла она брови-ниточки, — вспомните, испокон веков с копщиками водкой расплачивались, а не деньгами, в деревне и по сей день расплачиваются. А наши ребята порядочные, за зарплату трудятся. А гравировщик, между прочим, он вообще не абы кто, он все равно что художник.

Анна Ивановна и Сергей Наумович уныло смотрели на нее.

— Так вот, в течение недели мы выясним что к чему, с каким памятником рабочий перепутал ваш. Проверим заказы. Когда вы, говорите, были в последний раз? На Троицу? Значит, за полгода. Вам зачистят надпись, а кому надо — выпьют. Вот и все.

— Вот и все, говорите? А как же теперь с этим жить прикажете? — вскинулась Анна Ивановна.

— Жить? — администраторша оторопела. — Не утрируйте, господа! — видно было, она рассердилась. — В книге соответствующей записи нет, на разбивочном чертеже отметки нет. Ни заявления, ни разрешения — ничего! Для эксгумации никаких объективных причин. Если не устраивают мои доводы, обращайтесь в попечительский совет! На этом все, больше ничем помочь не могу. В ближайшие дни лишнее имя на надгробии устроят.

Людмила Иосифовна поднялась и громко зашагала к двери; старикам ничего не оставалось делать, как тоже встать и поплестись к выходу.

— Ах да, напишите заявление у моего помощника и обязательно укажите, какую надпись нужно убрать.

— «Сергей», — растерянно обронила Анна Ивановна.

— Ну... — кивнула и сглотнула администраторша, будто сдержавшись от чего-то, — главное, напишите, какую именно. Всего доброго! — Красный ее рот напомнил Анне Ивановне давешний сон.

Людмила Иосифовна сняла с рогагулины светлое твидовое пальто, накинула его на пышные плечи и бойко застучала каблуками вниз по лестнице. Супруги шли за ней, уже ничего от нее не ожидая; лестничный пролет вел на улицу. Там стояли они еще какое-то время, пряча подбородки в воротники от пронзительного октябрьского воздуха, смотрели вслед уверенно удаляющейся в глубину секторов дородной смотрительнице погоста.

Зачем случаются сны? Чтобы предрекать и тревожить? Чтобы дать возможность что-то изменить? Чтобы поиграть с сознанием, обмануть его страхи, кривляясь и вытесняя с их помощью неизбежность? Или, может быть, страхи эти ее, неизбежность, и сочиняют?

Много лет задавалась подобными вопросами Анна Ивановна, но никогда не говорила об этом с мужем.

— Знаешь, Сережа, а ведь мне сон приснился нехороший накануне, с четверга на пятницу. Там я старая, а в свадебном платье, в зеркало гляделась.

Сергей Наумович рассмеялся.

— Куда это, вы, моя дорогая Аннушка, намылились? В какой это вы «замуж» собрались?

— Да ну тебя! Дурной это сон. Страшно мне, Сереженька.

Сергей Наумович покачал головой. Они долго сидели молча, думая каждый о своем, смотрели на угасающий за окном день.

— Дети звонили? — нарушил тишину, наконец, Сергей Наумо-

вич.

– Звонили. Рассказала.

– Что говорят?

– Говорят, закажут новый памятник.

– Это правильно.

Опять молчали.

– Надо бы отметить, все же рождение! – настойчиво произнес Сергей Наумович, поднялся и, покашливая, поковылял в кухню ставить чайник.

– И зажги свет!

Вместе с дыханием ворчащего чайника будто прояснялось или растворялось что-то, превращалось в пар.

Москва